

Хэ-хэ, какая жалость. Если прийти в этот мир лишь ради всего этого, не кажется ли это... немного фальшивым?

Лицо Цзыде становилось всё мрачнее. Она тоже подошла и бросила:

— Эй, женщина, ты вообще о чём?

— Лэн Синь, ты же просто ангел смерти, понимаешь? Ангел смерти, хэ-хэ... — Женщина смеялась всё более беспомощно, всё более и более отчаянно.

Юйсинь с самого начала не произнесла ни слова, лишь молча слушала.

— Ты можешь в любой момент оборвать чью-то жизнь, можешь в любой момент контролировать их передвижения. Разве в такой жизни есть хоть какой-то смысл? Хэ-хэ, я знаю твой секрет.

Женщина говорила, но вдруг умолкла. Она вытащила из-под ног кинжал и вонзила его себе в сердце.

Алая кровь безудержно заструилась по воздуху.

Цзыде и Ро Сюань замерли от изумления. Они никак не ожидали такого исхода, такого конца.

Юйсинь просто стояла неподвижно. В тот момент, когда женщина рухнула на землю, она отчетливо услышала ее слова:

— Месть — это поистине такое невесёлое занятие.

То, что невозможно изменить.

В глазах Юйсинь мелькнул отблеск печали, глубокой... до боли глубокой печали.

Цзыде и Ро Сюань так хотели подбежать к ней, крепко-крепко обнять, словно боясь, что в следующее мгновение она просто растворится.

Страх и ужас медленно наступали, пропитывали хрупкое тело насквозь, а затем исчезали.

— Юйсинь, — дрожащий голос Ро Сюань выдавал ее тревогу и беспокойство.

Цзыде хмурилась, со скрытым смыслом глядя на женщину, лежащую в луже крови на полу. Сложное чувство уже невозможно было описать никакими словами.

Что это была за горечь? Пережить скитания между жизнью и смертью — ради чего всё это? За

маской глаза Юйсинь были пустыми, лишенными фокуса, они неподвижно расширились.

Она вечно шла по черте, разделяющей ад и рай, их разделяло всего одно мгновение. Порой ей тоже становилось страшно, порой она бывала слабой, порой ей тоже хотелось... всё бросить.

Но в сердце жило несогласие. Она не могла смириться с тем, что столько всего, столько всего в ее жизни изменилось из-за одного заговора Шангуань Юньси.

Она не мирилась с тем, что ситуация обернулась именно так.

Почему? Ради чего всё это? Ей вечно приходится в одиночку выносить этот груз, да еще и притворяться счастливой, изображать легкость.

Стоило ему услышать всего одно слово, как он тут же поверил ей, а то, что получила она — это неверие, непринимаящий взгляд, это выражение полного безразличия, которое до сих пор глубоко отпечаталось в памяти.

— Юйсинь, ты... — Цзыде сжала дрожащую руку Ро Сюань и обратилась к погруженной в задумчивость Юйсинь. Обе они тревожились — не за то, что та фраза заставит ее изменить первоначальный замысел.

Они боялись за ее сердце. Больше чем кто-либо они знали, что под маской сильной, подобной королеве Юйсинь скрывается кто-то куда более уязвимый, чем любой из них.

Она больше не способна вынести удары, ее сердце уже покрыто бесчисленными шрамами.

Привыкла ли она? Или онемела?

Сухие алые губы шевельнулись, и с них слетело еле слышное:

— Я не изменю... из-за этого... никаких своих планов.

Пусть прозвучало лишь столь короткое предложение, его было достаточно, чтобы Цзыде и Ро Сюань успокоились. Одних этих слов хватило, хватило с лихвой, чтобы не желать большего...

— Пойдемте, возвращаемся в филиал Пронзающего Снега, — бросила Юйсинь и, не оглядываясь, направилась к выходу из бара.

Как ни крути, а это всё равно не изменит... изначальных планов.

Холодный дождливый день.

Выйдя из бара и пройдя немного, Юйсинь сняла с лица маску.

На нем застыло всё то же неизменное выражение, словно каждый встречный задолжал ей по восемь миллионов.

На пересечении оживленных дорог взад и вперед сновали машины, прохожие спешили мимо — все они были лишь случайными попутчиками.

Небо постепенно заволакивало тучами, сгущались тучи, и одна за другой вспыхивали яркие молнии.

Прохожие на улице суетились, в сердце каждого жила тревога — то была надежда, уличный фонарь, указывающий путь.

В узком тупичке старого переулка стояла девушка в белых одеждах. Ее длинные прямые волосы легко развевались на ветру — изящно и утонченно. Именно это слово первым пришло на ум Юйсинь, когда она посмотрела на незнакомку.

Внезапно возникло какое-то знакомое ощущение, и она тихонько приблизилась.

Девушка ничего не замечала. Закрыв глаза, она прислонилась к стене — возможно, наслаждаясь тем, как дождь смывает грязь с ее запятнанной души.

Песня продолжалась, приближаясь к финалу, и вот она затихла...

Девушка открыла глаза и встретилась взглядом с подошедшей Юйсинь.

Странно, но уголки губ Юйсинь сами собой приподнялись в красивой улыбке.

Добрая старшая сестра.

Девушка склонила голову, с любопытством и полным недоумением на лице разглядывая Юйсинь.

— Ты очень красиво поешь, — это была чистая правда. Юйсинь и впрямь считала пение прекрасным, искренним, она никогда не обманывала собственные чувства, и эта похвала шла из глубины ее сердца.

Юйсинь впервые в жизни так открыто улыбнулась — красивой улыбкой, похожей на лучик летнего солнца, что пробивается сквозь любые преграды прямо в сердце, такой светлой. Это была улыбка из самого подсознания.

Девушка тоже мило улыбнулась — сладко, словно мед:

— Правда?

Юйсинь медленно подошла к девочке и внимательно ее оглядела: той на вид едва ли исполнилось пятнадцать. Младше нее самой, выглядевшая очень наивной и чистой.

— Почему ты так грустишь? — сама не зная почему, она вдруг проявила заботу о совершенно незнакомом ребенке, почему-то заинтересовалась девочкой, которую видела впервые в жизни.

Девушка опустила голову, лицо ее помрачнело. Запинаясь, она не знала, как ответить на этот сложный для нее вопрос:

— Я...

Юйсинь слегка опешила, застыв в растерянности. Ей показалось, будто в девочке отразилась чья-то тень — такая беспомощная, безысходная, разочарованная, печальная, растерянная... Это была она сама три года назад, а еще прежняя, чистая Яо Яо.

Возможно, впервые испытав такую жалость, Юйсинь даже не выдержала. Она сменила выражение лица на мягкую улыбку и легко потрепала девочку по голове:

— Ну ладно, раз не хочешь говорить, я не буду заставлять.

Девушка словно получила желанный ответ: она захлопала в ладоши и радостно улыбнулась.

Юйсинь выпрямилась и сняла с лица очки. Ее глубокие зрачки были бездонными, как омут — казалось, она пережила столько всего, что скрывало непостижимую сложность.

— Ты... — девочка была поражена ее красотой. До сих пор ей никогда не доводилось видеть... настолько прекрасного лица. И хотя перед ней была женщина, она невольно залюбовалась.

Юйсинь почувствовала себя немного неловко и спросила:

— Как тебя зовут и где твой дом?

Девочка на мгновение задумалась, подняла взгляд на эти бездонные глаза и с улыбкой ответила:

— Меня зовут Мэн Цзе.

— Мэн Цзе... — Юйсинь задумчиво повторила имя, погрузившись в раздумья.

— Сестрица, о чем ты думаешь? — поднимая на нее голову, с недоумением спросила Мэн Цзе.

Юйсинь вдруг одарила ее успокаивающей улыбкой:

— Ни о чем. Мэн Цзе — и правда отличное имя.

Хотя они встретились только сегодня, Мэн Цзе чувствовала необыкновенную, ни с чем не сравнимую теплоту рядом с Юйсинь.

Идем со мной.

Они долго смотрели друг на друга в тишине, не совершая никаких движений.

— Где же твой дом? — наклонившись, с надеждой в голосе спросила Юйсинь.

Словно резко вернувшись в реальность, Мэн Цзе не знала, что ответить. Скрыть правду или сказать всё как есть? Она еще не определилась.

— Я... я... — Мэн Цзе перебирала маленькие пальчики, не зная, как поступить.

Юйсинь заметила ее замешательство, но — к неожиданности для себя самой — впервые не стала допытываться. Почему? Из-за того самого знакомого чувства? Или были другие причины?

Дождь продолжал моросить, сменяясь молчанием обеих.

Словно приняв решение, Мэн Цзе вновь озарила лицо счастливой, радостной улыбкой и медленно произнесла:

— У меня... нет дома.

Юйсинь не выказала ни капли недоверия — лишь задумчиво прищурилась, отчего Мэн Цзе, только что переживавшая за свой ответ, заметно расслабилась.

Юйсинь опустила голову, размышляя пару мгновений, затем посмотрела в эти чистые глаза полным искренности взглядом и проговорила:

— Вот как... тогда... — но вторую половину фразы договаривать не стала.

Мэн Цзе с любопытством уставилась на нее, даже не пытаясь спросить, почему та замолчала.

У Юйсинь были свои причины. Она не была простой обывательницей — ей предстояло не только возглавить весь преступный мир в качестве Святой Владычицы, но и нести миссию ангела мести.

Хэ-хэ, ангел. Она впервые подумала о себе как об ангеле.

Она прекрасно понимала, что у Мэн Цзе тоже имелись свои секреты, которыми та просто не желала делиться с другими, и девочка тоже раздумывала, стоит ли ей открыться.

Беспокойство Юйсинь было не напрасным: а что если настанет день, когда та узнает ее истинную личность? Не станет ли винить? Не возненавидит ли?

— Ты... хочешь пойти со мной? — наконец произнесла Юйсинь.

Мэн Цзе сначала опешила, но затем твердо ответила:

— Я... хочу пойти с тобой.

С улыбкой Юйсинь взяла Мэн Цзе за руку, и время будто повернулось вспять.

Перед глазами вновь встала сцена трехлетней давности.

Тогда дедушка точно так же вел ее за руку навстречу свету — настоящему свету.

Человек, способный всё понять.

Взявшись за руки, они шли по улице.

Это зрелище тут же привлекло всеобщее любопытство — прохожие невольно бросали на них взгляды.

Странная картина: черное пальто и белое платье, на одном лице — леденящий холод, на другом — детская наивность и прелесть. Совершенно непостижимо, как такие две противоположности могли преспокойно шагать вместе.

Миновав небольшой лесок и пройдя по каменной дорожке, они оказались перед особняком.

Юйсинь бросила косой взгляд на идущую рядом Мэн Цзе.

Та на самом деле уже морально подготовилась. С первого же взгляда на Юйсинь Мэн Цзе поняла, что та не может быть простой смертной — ну какая обычная девушка станет вот так запросто приводить домой первого встречного?

Однако открывшееся зрелище превзошло все ожидания: роскошный особняк у подножия горы, в престижном районе, занимающий огромную площадь — он был в несколько раз больше ее собственного дома.

Губы Юйсинь шевельнулись:

— Пойдем, заходим.

С этими словами она потянула остолбеневшую Мэн Цзе внутрь.

Стоило массивному деревянному парадному входу открыться, как у Мэн Цзе окончательно перехватило дыхание. Как же здесь красиво, роскошно и в то же время — с ноткой свободолобивого, раскованного шика.

— Сестрица, это твой дом? — не удержавшись, спросила Мэн Цзе.

Боже мой, да кем же надо быть, чтобы владеть таким состоянием!

Хотя она сама вращалась в кругах золотой молодежи, ничего подобного ей видеть еще не доводилось: величественно, но без излишней показухи, благородно, но без пошлости.

Но стоило успокоиться и задуматься: а кто же эта девушка на самом деле? Шаги Мэн Цзе внезапно замедлились, на лице вновь отразилось глубокое раздумье.

Юйсинь тоже остановилась, обернулась на спутницу, и во взгляде промелькнула сложная гамма чувств: неужели... закрались сомнения?

Мэн Цзе решительно подняла голову и с легкой строгостью в голосе задала вопрос:

— Сестрица, кто ты?

Юйсинь опустила глаза и ответила серьезно:

— Ты действительно хочешь знать?

Ответа не последовало — лишь легкий кивок и сорвавшаяся с губ едва слышная согласная нота:

— Угу.

Хотя в душе все еще теплились сомнения, Юйсинь не хотела лгать:

— Запомни, меня зовут Наньгун Юйсинь.

Сказав это, Юйсинь снова взяла Мэн Цзе за руку и повела наверх.

Мэн Цзе больше ни о чем не спрашивала. Она знала, что у Юйсинь наверняка есть веские причины для молчания — точно так же, как и у нее самой, но рано или поздно та все равно ей всё расскажет.

Поэтому она не сопротивлялась и послушно шла рядом, держа ее за руку.

Лучи солнца падали на них сверху — поистине умиротворяющая картина...

Время сводить счета.

Приведя Мэн Цзе на второй этаж, Юйсинь повернула налево по коридору.

Устроив девочку в залитой солнцем комнате и отдав прислуге пару распоряжений, она покинула особняк.

Ее путь лежал напрямик в филиал Пронзающего Снега.

Сделав крутой поворот, машина безупречно затормозила у входа. Из-за черного плаща и полуприкрывающей лицо маски нельзя было разобрать ни единой эмоции на лице Юйсинь, но само ее внутреннее высокомерие ощущалось безошибочно.

— Преподобный Лэн, двое других Преподобных уже внутри, Синь и Чэнь ждут вас с самого прибытия, — едва она появилась на пороге, один из помощников, много лет следовавший за Юйсинь, доложил с полнейшей серьезностью.

Минуя массивные двери, Юйсинь вошла в конференц-зал. В отличие от внешней обстановки, здесь не было давящей атмосферы — повсюду царили веселые голоса и смех, даже привычный ледяной Шэнь казался совершенно другим.

Впрочем, войти сюда и находиться внутри мог далеко не каждый. Здесь собрались лишь самые доверенные помощники Юйсинь, обладавшие абсолютной преданностью и доступом к секретным материалам Пронзающего Снега.

Но стоило стуку каблуков стихнуть, как все мгновенно вернулось к прежнему спокойствию. Лица разом стали предельно серьезными.

Ро Сюань, только что возившаяся с Е, немедленно поспешила на свое место, почувствовав легкое недовольство со стороны Юйсинь.

— Начинаем совещание, — прозвучал всё тот же неизменный ледяной тон.

Усевшись во главе длинного стола, Юйсинь постукивала по нему пальцами одной руки, подперев другой подбородок и закинув ногу на ногу, ожидая, пока кто-нибудь заговорит.

Однако терпения у нее явно было немного.

— Преподобный Лэн, мы собрали все досье на Духов Змей, ознакомьтесь, пожалуйста. — Атмосфера на совещании вмиг накалилась до предела, все присутствующие невольно покрылись испариной.

Чэнь, протягивая папки, заговорил.

Юйсинь приняла бумаги, лишь бегло скользнула по ним взглядом, положила рядом и хриловатым голосом спросила:

— И это всё? Вы что, забыли мои требования?

Син в этот момент обливался мысленным потом — напряжение просто зашкаливало, описать его было невозможно. Но ради сохранения своего звания топ-киллера паниковать сейчас было нельзя ни в коем случае.

Отправка агентов под прикрытием.

— Преподобный Лэн, здесь описан их тыл, связи и детальная информация обо всех партнерских контрактах, — Син бросил взгляд на остальных: хоть все и старались сохранять каменные лица, кто бы мог подумать, что под носом у этой высшей силы у каждого за спиной градом катился пот.

Юйсинь покосилась на увесистую стопку документов и холодно бросила:

— Вы ведь все их уже изучили?

С этими словами ее кресло развернулось на сто восемьдесят градусов, и она отвернулась от собравшихся.

Э-э, ну... кроме тех пары ответственных товарищей, которые не смели относиться к делу спустя рукава, остальные... скажем так, кроме Цзюэ и Демона, никто больше ничего не открывал.

И хоть не читали, в общих чертах суть этой головной боли понимали все.

Ответа не последовало. Тонкие брови Юйсинь чуть заметно сошлись на переносице, хотя этого никто не увидел.

— Говорите, кто ознакомился? — закрыв глаза, ровным голосом спросила Юйсинь.

Ладони у всех вспотели — включая двух других глав организации, присутствовавших здесь. Они знали: если внешне Юйсинь казалась совершенно спокойной, ничего хорошего внутри нее точно не зрело.

Е стал строить рожицы, пытаясь подать знак Ро Сюань, чтобы та придумала выход.

Ро Сюань лишь беспомощно пожала плечами и наградила его презрительным взглядом, словно говоря: «Ты меня спрашиваешь? Да какая у меня может быть управа? Разруливай свои проблемы сам».

Всегда холодный, ледяной как айсберг Цзюэ подал голос:

— Я ознакомился. — Интуиция подсказывала, что признаться сразу будет безопаснее, иначе потом придется отвечать по всей строгости.

Демон тут же присоединился:

— Я тоже читал.

На губах Юйсинь появилась изящная улыбка — похоже, ее цель была достигнута. Она повернулась обратно и звонко щелкнула пальцами:

— Отлично. Вы двое...

Она намеренно тянула паузу, отчего их сердца сжимались всё сильнее.

— Ты что, опять придумала какой-то изощренный способ издевательств? — бестолковая Ро Сюань в самый неподходящий момент вставила реплику, заставившую всех остальных мысленно зарыдать.

Лицо Юйсинь под маской мгновенно почернело: «Помилуй бог, я же не ты!»

— Кхм-кхм. — Цзыде вовремя вмешалась, чтобы разрядить обстановку.

Е внезапно почувствовал неладное — как же жаль, что он тогда не послушал братца! Теперь бояться было уже поздно.

Он бросил умоляющий взгляд на своего дорогого старшего братца.

Но подлец Цзюэ даже не посмотрел в его сторону.

— Остальные, кто не читал, понесут наказание, — медленно выговорила Юйсинь как раз в тот момент, когда Е принимался корить Цзюэ.

Атмосфера на мгновение накалилась до предела. Какая же пакость прилетит на этот раз?